

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей КРУЗ

**ЗЕМЛЯ ЛИШНИХ
ПОБЕГ**

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Юдина*

Круз, Андрей.

К84 Земля лишних. Побег : [фантастический роман] / Андрей Круз. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-088691-3

Новый мир — неважно, как ты сюда попадешь, по доброй воле или вот, как Александр Баринов, бежав из испанской пересыльной тюрьмы. Новый мир — жизнь с чистого листа, тут тебя ждет и новая работа, и новые перспективы, и новая судьба! Да-да... Может быть, дети твоих детей и вправду заживут такой новой жизнью. Но пока за каждым прибывшим тянется хвост из прошлого, чистого, ничем не запятнанного листа что-то не получается. И судьба в который раз оказывается на стороне того, кто умеет держать в руках оружие и стреляет быстро и точно. И новые перспективы открываются тому, кто сумеет остаться в живых и докажет свое право на эту новую лучшую жизнь. А так все верно. Vamos!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Круз А., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088691-3

22 сентября 2015 года, утро

Лязгнула, открывшись, кормушка в железной двери, за ней возникло лицо контролера.

— Доброе утро!

— Доброе, — помахал я ему рукой.

— Доброе утро, — ответил на приветствие мой сосед.

Вставать не обязательно, мы просто показали, что в камере все живы. Но вставать все равно пора, потому что выспался дальше некуда. Тут слишком много времени на сон, с девяти вечера до девяти утра, а потом еще два часа сиесты после обеда. Сдуреть можно. Я в жизни так не выспался.

Я сел на койке, потер лицо руками. Потом опустил ноги на железный столик у окна, с него слез на пол, сразу попав в тапочки.

— Куда торопишься? — спросил сосед по камере.

— Куда-нибудь, Хорхе, больше спать не могу.

«Куда-нибудь» в камере не получится, так что дошел только до ближнего к двери угла, где отлил во вмурованный в стену монументальный унитаз, смывавший все так мощно, что я каждый раз боялся наводнения. Рядом умывальник с таким же диким напором воды в кране, металлическое зеркало в стене. Душа здесь нет, тюрьма «Сентро Пенитенсиарио Малага» строилась давно, тогда персональный душ в каждой камере необходимостью не считался.

Включил свет, чтобы лучше видеть свою физиономию в этом темном углу, почистил зубы, побрился одно-

разовой бритвой, обтерся влажным полотенцем до пояса, вернулся к койке, пропустив Хорхе в «туалетный уголок». Взял с бетонной полки аккуратно сложенные тренировочные брюки, влез в них, натянул носки и кроссовки. Сейчас будет завтрак, потом нас должны отправить дальше: и меня, и Хорхе. Мы здесь не сидим, мы тут транзитники, как и весь этот блок, называемый «ингресос». Нам обоим ехать в Гранаду. Хорхе окончательно, у него срок большой, который он будет отбывать именно там, а мне оттуда в Мадрид, до суда еще далеко и вообще у меня только предварительные слушания. Но пока попутчики.

Так, вещи я еще с вечера сложил в спортивную сумку, так что только туалетные принадлежности собрать осталось. И полотенца прихватчу. И подушку. Черт, испанские подушки меня убивают своей формой, и не только в тюрьме. Испанцы почему-то предпочитают спать на очень плоских и к тому же узких, даже дома не меньше трех требовалось, чтобы голову нормально положить, а тут одна. Тут одна, в следующей тюрьме одна... курочка по зернышку. Запихал подушку в сумку под вещи, сверху кинул туалетные принадлежности, затянул молнию. Все, готов. Пусть только покормят.

Хорхе, вытирая полотенцем волосатую грудь, вернулся к койке, чуть подвинул меня, извинившись. Он невысок, носит очки, похож на симпатичного испанского дядюшку или даже дедушку из тех, что любят сидеть в кругу семьи по местным ресторанчикам, играя с внуками. Вежливый, интересный собеседник. Он тут за двойное похищение, пытки и двойное же убийство с особой жестокостью. Подробностей не знаю, но даже не верится. И еще он не испанец, Хорхе из Венесуэлы, но переехал сюда давно, хоть и выглядит как стопроцентный испанец, никакой примеси индейской крови, которая у латиноамериканцев очень заметна.

В коридоре слышен шум, готовятся к раздаче завтрака. В «ингресос» общей столовой нет, каждый раз устраивают «буфет» в коридоре и там раздают. Вскоре защелкали засовы, проходящий контролер отпирает двери одну за одной и распахивал их. Следом тут же заглядывал зэк

из obsługi, раздавая новые мусорные пакеты. Я вытащил полный из корзины, завязал, взял с полки пластиковую чашку, формованный поднос из нержавеющей стали и пошел на раздачу, по пути выбросив мусор в большой черный пластиковый бак.

Три стола, за ними еще три зэка из obsługi. Уже очередь выстроилась с подносами. Кто еще зевает, кто вполне бодр, тут же поднялся гомон, как бывает в любом месте, где разом собирается больше трех испанцев. Впрочем, в «ингресос» хватает и марокканцев, и латиноамериканцев, ну и цыган, само собой.

Поставил поднос перед первым из раздающих, и тут же в середине разместились свежая булка, пахнущая печенкой. Второй положил упаковку масла, упаковку джема и большой апельсин. Третий налил полную кружку «кафе кон лече», без которого ни у одного испанца день не начинается. Все, можно возвращаться. Хорхе в очереди через одного после меня.

Камера узкая и длинная, в торце окно. Настоящее окно, без всяких решеток, просто рама стальная и вместо стекла пластик. Но его можно даже открыть, все равно между стойками рамы не протиснешься, а внизу тюремный двор. А впереди... впереди божественный, невероятный горный рассвет. Вид из тюремных окон такой, что его за миллион евро продавать надо. Отчасти поэтому я и занимаю верхнюю койку. А у Хорхе на нижней койке вид хуже.

Сажусь за стол. Хорхе садится рядом, выставляя поднос с точно таким же набором. Двери в камеру закрываются за спиной, лязгает замок. Кормят хорошо и разнообразно, но завтрак освящен традицией и всегда одинаков. Так что я пластиковым ножом прорезаю кое-как хрустящую теплую булку, разделяю пополам вдоль, вскрываю масло и мажу им теплый хлеб, а потом сверху вываливаю малиновый джем. Пекарня тут своя, хлеб очень вкусный, кстати. Тут вообще все вкусное, что для тюрьмы противоестественно, наверное. И много, и вкусно, и вообще.

Орел опять на крыше главной вышки. Раньше на ней караул стоял, а теперь одни камеры висят, так что птицу спугнуть некому. Напротив, не заслоняя вида, высокая

стена из желтоватого кирпича с колючкой поверху, она только чуть вид портит.

— Как думаешь, отправят сегодня? — спросил я.

— Вчера звонки запретили, значит, отправят. — Хорхе приложился к кофе. — Я уже все, а ты до Мадрида, так?

— Ага.

— Еще три тюрьмы минимум. Неделю будешь ехать.

— Потерплю. Главное, в суд быстрее.

— На залог надеешься?

— Точно. — Я в очередной раз вгрызся в хрустящую булку и запил сладким и крепким кофе с молоком.

— Пусть адвокат сразу на объявленную сумму не соглашается, торгуйтесь сколько можно.

— Так и собираемся.

Особо говорить не о чем. Я про себя рассказывать не люблю, Хорхе тоже. Сокамерник он хороший, спокойный, чистоплотный, без дурацких привычек, как у одного китайца, который все время ногтями щелкал, и не храпит, но все допустимые темы мы уже прошли раньше, за ту неделю, что делим это пространство. В душу никто ни к кому не лезет, мы сокамерники временные, скоро разбежимся.

Доели, допили кофе, Хорхе распахнул окно и закурил, я отодвинулся на стуле и взялся за книгу.

Где-то через полчаса снова суета в коридоре, звук отпираемых дверей. Все, прогулка в патио до обеда. Если кому нужно, можно душ принять или там постираться в душевой, можно в футбол поиграть, если кто любит, только ворота скоро обвешаются постиранными вещами. Даром что осень, но это Андалусия, так что тут жара и загорать можно. Чем я эту неделю и занимался, совмещая попутно с бегом по кругу. Двор большой, целый стадион, а людей в «ингресос» немного, простор и благодать.

Вот и наша дверь распахнулась, улыбающийся контролер махнул рукой:

— Можно гулять, сеньоры!

— Спасибо! — ответили мы хором.

Вообще думал, что нас сразу после завтрака на погрузку поведут, но что-то задерживаются. Ладно, погуляю, что еще делать остается?

По лестнице вниз, дальше на солнце, сощурившись. Одетые все больше в тренировочные костюмы зэки один за другим, потягиваясь, выбирались во двор. У окошка «экономата», как тут ларек называется, сразу собралась кучка любителей кофе с сигареткой. «Экономат» не только торгует, там еще и кофе варят, так что вроде кафешки во дворе.

— Слава! — Я пожал руку второму русскому обитателю блока, с которым мы обычно вместе время и проводим. Нам и дальше по пути, ему, как и мне, в Мадрид, в тюрьму Аранхуэс, в которую мы попадем не сразу. Сначала транзитная Навалькарnero и уже потом окончательно. Там еще помаринуемся в «ингресос» немного, а потом уже в блок окончательно. Ну и потом у меня предварительные.

Слава уже с приговором, но подал на обжалование в Конституционный суд. Дали ему пятнадцать лет за грабеж. Вообще уникальный персонаж, наполовину русский и наполовину армянин из Краснодара, закончивший мореходку и даже походивший в рейсы, начал свою криминальную карьеру с кидания банков в России. Когда докидался до того, что чеченцы отловили и грохнули двух его подельников, сбежал в Испанию. Открыл клуб, который потом за что-то закрыли. Уехал в Африку, занимался черной скупкой алмазов, вернулся сюда и еще с одним русским взялся за грабежи. Грабил исключительно наркоторговцев-оптовиков, брал с них помногу. В полицию жаловаться никто не бежал. Но так случилось, что один раз они вычислили группу колумбийцев, которые уже работали на полицию. И вилла, на которой и кокаин хранился, и деньги, была не просто под наблюдением, но еще и оборудована камерами и микрофонами. Обычно, со слов Славы, торговцы просто убегали, когда они вламывались под видом полиции, а эти остались на месте. Были все же биты и ограблены, но через пару месяцев полиция Славу с подельником нашла.

— Ну чего, едем сегодня?

— Да пора бы уже. — Слава посмотрел на небо, словно сверяя часы. — Тянут что-то. Пошли на мешок?

Слава еще и боксер. Как и я, к слову, так что тренируемся тут вместе.

— Не, — отказался я, — взможем, а тут дернут резко, в автозаке потом вонять...

— Тоже верно. Пошли в тень тогда.

В углу патио нечто вроде стеклянной будки, в которой сидит контролер, вроде бы наблюдающий за порядком. Но тут и так всегда порядок, так что он больше как справочное бюро работает. Возле будки телефоны на стене и скамейки, тут вся тусовка и происходит.

— Дес, как дела?

Дес, или Десмонд, ирландец из Таллы, пригорода Дублина. Правда, проживший несколько лет в Ливерпуле, там полно ирландцев. Рослый, с широкими как лопата ладонями и толстыми запястьями, при этом с удивительно приятным и добрым лицом. С виду ему около сорока. Дес тоже любил постучать по мешкам и лапам с нами, то есть еще один боксер. Здесь за убийство и пять покушений на убийство. Когда я об этом узнал, спросил его:

— А что такой рейтинг слабый? Один к пяти?

— У меня только револьвер был, а они кучей стояли, — с готовностью рассказал он. — Первому башку снес, а остальным куда попало вцепил, одного в реанимации откачали.

— Пистолет надо носить и магазины менять быстро, — сказал я ему тогда наставительно.

Сейчас же Дес выглядел не слишком довольным жизнью.

— Меня в Гранаде в пятый модуль посадят, — буркнул он. — Там же только террористы и убийцы. Почему меня к ним?

— Ну... может, потому, что у тебя пять покушений, но одно все же убийство? — высказал я предположение.

— В других модулях убийц как дерьма. Почему я?

Прокурор затребовал для Деса тридцать лет, но приговора еще нет. Испанский суд вообще странный, приговор объявляют не сразу, а через недели, а иногда и месяцы.

— Это Испания, Дес. — Это универсальный ответ, и всем сразу все понятно.

— Кстати, Дес, тут сказали, что видели Марко, — к нам подошел Рауль, колумбиец, попавший сюда за наркотики и что-то там еще. С Десом они давно знакомы, как я понимаю, и вместе едут в тюрьму Гранады.

— И что? — Дес обернулся.

— Это Марко тебя вложил.

Рауль довольно молодой, тридцати еще нет, большой фанат всяких боевых искусств, по полдню отжимается во дворе на кулаках и растяжкой занимается. На латиноамериканца, к слову, тоже не похож, как и Хорхе. Вылитый испанец. Только одевается малость слишком уж ярко.

— Марко? — Дес аж присел. — Значит, Марко snick?

— Кто? — не понял Рауль, говорили они по-испански.

— Snicky grick! Кто-то, кто заходит сзади, чтобы неожиданно тебя поймать! — Дес изобразил, как крадется Раулю за спину. — Он здесь остается?

— Да, его в облегченный модуль перевели.

— Манда вонючая. — Дес начал злиться. — Мне тридцать лет и пятый модуль, а его в «модуло респекто»?

— Успокойся, все равно он далеко, — сказал я.

Кто-то похлопал меня по плечу, я обернулся. Ну да, Николай, скорее даже Николаэ. Николай — румынский цыган, хоть принадлежность к этому племени отрицает изо всех сил и к испанским цыганам относится крайне плохо, при виде их фыркает и даже плюется. Выглядит он стопроцентным цыганом — смуглый до черноты, толстый, с черной щетиной на голове и щеках, маслиновидными глазами и голосом, легко меняющим интонацию по всему доступному спектру, то есть от жалобного до вкрадчивого. На шее у него золотая цепь с большим крестом, он носит ее поверх одежды.

Николай вообще-то жулик, специализировавшийся на получении кредитов на подставные лица в банках, но здесь оказался за какое-то соучастие в большой румынской схеме по угону машин. Приговора у него пока нет, прокурор затребовал пять, но сам Николай рассчитывает выйти через два, а то и раньше. Ко мне его тянет из-за родственной статьи, «отмывание денег в особо крупных»,

то есть я для него символизирую вершину карьеры жулика, поэтому он мне чуть ли не поклоняется, норовит угостить кофе и даже подарить что-то полезное.

— Едем или нет?

— Не знаю. — Николай развел толстыми руками. — Должны были после завтрака везти. Уф, может, передумали?

Контролер в будке прокашлялся в мегафон, затем начал вызывать по именам. Все, кто сегодня на этап должны ехать, засуетились, но дальше возникла пауза, потому что позвали только Хорхе, Деса, Славу, Николая, Рауля и меня. Остальных оставили стоять в недоумении.

Раскрылась дверь в блок, контролер объявил:

— Берете сумки и спускаетесь к офису.

Вместо большого магистрального автобуса, поделенного на двухместные отсеки, во дворике нас ждал фургон «Ивеко», в цветах «Гвардии сивиль». Трое гвардейцев в зеленом, а с ними еще трое контролеров в синем, ждали нас рядом. Мы построились в короткую очередь у офиса, поочередно подходя к сканеру для отпечатков пальцев и предъявляя свои «удостоверения зэкков». Да, тут и такие есть, с фотографиями и личным номером. Они еще и как кредитка работают в «экономате».

У меня отпечаток не прошел сразу, контролер за стойкой протер экранчик спиртом и подsunул сканер снова.

— Давайте еще раз.

Есть, сработало, можно на выход. Во дворе у нас собрали багаж, закинули сзади в соответствующий отсек фургона, затем мы поочередно подходили, вставали лицом к стене, раскинув руки, а один из гвардейцев тщательно нас обыскивал с металлодетектором, заставляя доставать из карманов то, что зазвенело. В завершение надо было упереть каждую ногу в стенку и так согнуть подошву, чтобы доказать, что в кроссовках ножи не спрятаны. Затем на каждого надели наручники, сковав руки спереди, и гуськом повели к фургону.

— Начальник, а почему не автобус? — спросил Рауль.

— Сломался автобус, — ответил один из гвардейцев. — В две партии вас повезем, до Гранады недалеко. Садитесь.

Да, в автобусе было бы комфортней, там сиденья удобные и есть что-то вроде окна, а в таких фургончиках возят больше из суда в тюрьму, не дальше. Глухой отсек без окон, где под потолком гудит вентилятор, жесткие лавки вдоль бортов, шесть мест, по три с каждой стороны, разделены низкими подлокотниками. Заглянувший в отсек гвардеец раздал шесть пакетов с сухими пайками. Я заглянул в свой — пакет яблочного сока, полторашка минеральной, большой «бокадильо» с хамоном, салатом и сыром, два крупных мандарина. Боятся, что в дороге с голоду умрем.

Дверь в отсек со стуком захлопнулась, включился тусклый свет. Через решетку передней перегородки было видно, как гвардейцы заняли свои места. Поехали с гулом в сторону тяжелые тюремные ворота, затарахтел двигатель фургона, машина тронулась.

— Следующая остановка тюрьма «Аль Болоте»! — со смехом объявил один из гвардейцев.

На трассу мы выехать не успели. Фургон двигался медленно, регулярно кренясь на правый борт на кругах, так что я заключил, что Алаурин-де-ла-Торре мы еще не покинули. Я это место хорошо знаю, езжу сюда по тарелочкам стрелять. Ездил то есть. После одного круга фургон притормозил, послышались голоса из-за перегородки. Спокойные голоса.

— Что там?

— Не видишь? Пиво высыпалось, — ответил кто-то со смехом. — Возьми себе бочонок.

— Думаешь, откажусь? Но ты его сам возьми и загрузи. Только не назад.

— Не-не-не, — тот же голос. — Погоны снимут.

Я приподнялся. Сквозь частые, как дно дуршлага, дырочки в перегородке я разглядел еще одного гвардейца в форме, стоящего у водительского окна. А перед машиной стоял развернувшийся по диагонали грузовик с рекламой пива «Крузкампо», сквозь брезентовый борт которого вывалились пивные кеги.

— Сейчас он оттолкает все, — пояснил гвардеец у окна, — и езжайте.

Разглядеть дальнейшее не получилось. Вдруг началась какая-то суета, крики, угрозы, чей-то голос орал:

— Не двигаться! Убью всех, шлюхины дети! Не двигаться! Не трогай рацию, у нас глушилка!

Сидевший напротив Хорхе удовлетворенно хмыкнул, у остальных вид был скорей недоумевающий. Затем рывком открылась дверь в салон, в проеме показался еще один гвардеец, которого я не видел раньше, с пистолетом в руке.

— Кике-е... — протянул Хорхе. — Рад видеть, омбре!

— Дядя! Давай по одному на выход! — махнул рукой незнакомец. — Руки протягивайте, — он показал ключ от наручников.

Хорхе вышел первым, «племянник» мгновенно снял с него наручники, бросив под ноги. Следующим полез я.

Гвардейцы лежали уже лицом вниз на обочине, над ними стоял человек в джинсах и свитере, направив вниз ствол пистолета-пулемета. Еще один «гвардеец» перенаправлял движение вокруг места «аварии». Там же я заметил сине-зеленый «Ситроен» с мигалками и эмблемами «Гуардии сивиль трафико», то есть местного ГИБДД.

Наручники слетели с моих рук, и я немедленно присел возле ближнего гвардейца, вытащив у того из кобуры «беретту» и три запасных магазина. Никто не сказал мне ни слова. Загнал патрон в патронник, снял пистолет с боевого взвода. Дальше все развивалось быстро, очень быстро, некогда было даже думать. Еще один пистолет забрал Хорхе, оставшийся подобрал Дес. Гвардейцев сковали их же наручниками и быстро запихали в отсек для заключенных, заодно еще и приковав к поручням. А я еще и рации с них собрал, две штуки на троих было. Выключил сразу, на всякий случай.

— Будете орать — убью, шлюхины дети, — направил на них автомат человек в гражданском. Вот он, к слову, на latinoамериканца похож.

Когда дверь с грохотом захлопнулась, Хорхе сказал:

— Можете быть свободны. Или езжайте за мной.

— А что там? — спросил Рауль.

— Там вас не найдут. Никогда.

Прозвучало двусмысленно. Он это сам понял, потому что тут же добавил:

— Я вас переправлю в Колумбию, самолет ждет. Ну?

Пауза.

В Колумбию? Вот прямо сейчас? И что потом? Деньги у меня есть, немало, я и из Колумбии до них дотянусь. Но я и здесь могу добиться оправдания, у меня адвокаты отличные... хотя нет, в тот момент, как я вытащил пистолет у гвардейца, так просто все не выйдет.

— Еду, — сказал я, затыкая «беретту» за пояс и распахивая магазины по карманам.

— Еду.

— Еду.

— Еду.

Задумался только Николай с его пятью годами в лучшем случае. А потом, неожиданно для меня, и он махнул рукой:

— Еду.

Дальше время ускорило. Как-то неожиданно для самого себя я оказался за рулем грузового «Мана», рядом сидел Слава, а остальные спрятались в кузове, снова затянув мягкую боковину. Никакого пива в машине не было, несколько пустых кегов просто разбросали по дороге. Перед нами катили «Ситроен» и автозак, из которого мы перебросили наши сумки в грузовик, в машинах люди в зеленой форме, так что останавливать не должны. Пара попавшихся навстречу полицейских машин проехали мимо, не удостоив вниманием. Сигнал охрана подать не успела, это точно, наверное, забили все глушилкой, а теперь уже поздно.

— И чего дальше? — спросил Слава.

— Едем куда везут. Колумбия, не Колумбия — по фигу. Разберусь.

— А если просто вальнут?

— У нас два ствола. И я очень хорошо стреляю, Слав. Нам по-любасу не дали бы с ментов пушки взять, если бы вальнуть хотели.

— А там что?

— А здесь что? У тебя пятнашка?